

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ. *Историческая справка.* Редакторы Г. А. Галоян, К. С. Худавердян, Ереван, 1988, 95 с.

Историческая справка «Нагорный Карабах» увидела свет в самый разгар событий, порожденных движением за вооссоединение НКАО с АрмССР. Научный по своему характеру, этот небольшой труд отмечен особой актуальностью, даже злободневностью. Перед составителями стояла задача определить место Карабаха в истории южного Предкавказья, особо—в армянской истории, проследить истоки и предпосылки карабахской проблемы, дать оценку нынешнему состоянию области и осмыслить причины, которые породили самое движение. При том, что история Нагорного Карабаха изучена в целом неплохо (ср. соответствующие разделы в «Истории армянского народа», т. I—VIII, Ереван, 1970—1984), многие акценты пришлось ставить заново. Это потребовало и особых знаний и особого научного и политического чутья.

Обращаясь к географической номенклатуре интересующей нас территориальной единицы, авторы указывают на форму, зафиксированную еще в урартских надписях—Уртехе-Уртехини, к ней же восходит и арм. Арцах. Рефлексом урартской (а не армянской) формы является, по-видимому, и греч. Ὀρχιστήνη «Карабах» же появляется в текстах с XIV в., этимология его прозрачна, персидско-тюркский топоним означает «Черный сад». Представление о том, что сады могут быть «черные» и «белые», довольно распространено. С таким делением мы встречаемся, например, в топонимике соседнего Ирана. Здесь засвидетельствованы Баг-и-сиах («Черный сад») и Баг-и-сефид («Белый сад»). О «Белом саде» близ Партава-Барды сообщает анонимный персидский автор XIII в.¹ Авторы справки полагают, что «Белым садом» была равнинная часть, а «Черным» звалась горная (с. 8). Но вправе ли мы думать, что противопоставление черный—белый появилось именно на этой почве и что «Белым садом» называлась вся равнина? Следует вообще отметить, что представление о некоем единстве равнинной и горной частей в географическом отношении появилось лишь в новое время. До XX в. Карабах воспринимался как обособленная единица, а прилагательное «Нагорный» родилось буквально на глазах.

В древности Карабах, наряду с Арцахом, обозначался также как Цавдэк, Хачен, Малый Сюник, Малая Армения. Есть основания думать, что исконное название вытеснит позднее «Карабах».

Расположенный на северо-востоке Армянского нагорья Арцах, тем самым, принадлежал той территории, на которой протекал процесс образования армянского народа в качестве самостоятельной этнической единицы. Авторы справки обращают внимание на то, что Арцах входил в состав сменяющих друг друга армянских государственных образований и составлял одну из 15 провинций «Великой Армении», государства армянских Аршакидов (I—V вв.).

В V в. происходит перекрой политико-административного деления южного Предкавказья, находившегося под верховным владычеством сасанидского Ирана. Появились марзпанства—военно-административные округа, подчиненные персидскому двору, причем при их образовании Арцах и расположенный к северу от него Утик были включены в состав Албанского, а не Армянского марзпанства. Только с этого времени судьба Арцаха оказалась связанной с Кавказской Албанией, границы которой до конца IV в. не заходили южнее р. Куры (см. с. 9). И когда Мовсес Хоренаци (II, 8) определяет территорию Албании как простирающуюся от р. Аракс до крепости Хунаракерт в Гугарке, он имеет в виду, бесспорно, не исконную Албанию, а Албанское марзпанство с уже включенными в его состав армянскими территориями.

¹ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке (Ученые записки Института востоковедения, т. IX, М.—Л., 1954, с. 201).

Как политоним, как обозначение марзпанства, «Албания» (собств. Алуанк) утратила реальное содержание не позднее середины VII в., когда арабское завоевание положило конец государству Сасанидов. Между тем, наряду с теми наименованиями, которые приведены на с. 11, эта территория до начала XIX в. в определенном контексте могла называться «Албанией». Причину подобной живучести следует связать, по-видимому, с тем обстоятельством, что до этого времени продолжала функционировать самостоятельная Албанская церковь. Основанная в первой половине IV в., эта церковь очень скоро приобрела чисто армянский характер (язык богослужения, богословские книги, культурная ориентация в целом, этнический состав паствы).

Церковь была «албанской», культивировала собственную «албанскую» легенду, сыны ее тем самым становились «албанцами», при том, что с течением времени это были по преимуществу (если не исключительно) правобережные армяне, полностью сознающие свою принадлежность армянскому корню. Здесь мы имеем дело с типично средневековым феноменом, когда вероисповедные моменты проявляются ярче, чем все прочие.

Это обстоятельство в справке не получило достаточного освещения. Между тем, именно его непонимание и породило теорию о едином албанском этносе, территория расселения которого простиралась от предгорий Кавказа до Аракса, с собственной культурой, собственным языком и др. Согласно этой теории, население Арцаха, в частности, являются арменизированными албанцами, следовательно, созданная ими культура должна быть вычтена из фонда общеармянской культуры. В действительности этнической консолидации не произошло на территории даже «собственно Албании» или «исконной Албании», как определяет страну севернее Куры автор «Армянской географии» (VII в.). Тем более не произошло слияния армян Утика и Арцаха с этими племенами, число которых, по свидетельству Страбона, доходило до 26. О каком-либо единстве, об общеалбанской культуре говорить не приходится. Разумеется, культура Арцаха и Утика в период, когда эти области оказались «албанскими», была отмечена известной спецификой, но местные особенности следует трактовать точно так же, как особенности, скажем, Сюника, Васпуракана или Айрарата в контексте общеармянской культуры².

Далее в справке излагаются основные события истории и культуры Карабаха до 1918 г. Авторы обращают внимание на институт мелников, наследственных феодальных владетелей, при которых край пользовался широкими правами самоуправления (с. 12—13). Приведенные данные показывают, что с древнейших времен население Карабаха было по преимуществу армянским, и лишь с XVIII в. здесь утверждаются курдские и тюркские племена.

В г. 2, Нагорный Карабах в 1918—1923 гг., авторы стремятся проследить, каким образом Карабах оказался в составе Азербайджана. О периоде 1918—1920 гг. сказано: «В 1918—1920 гг., когда антисоветские силы Закавказья отторгли край от Советской России, мусаватистское правительство неоднократно пыталось захватить Нагорный Карабах, Нахичеван и Зангезур [...]. В 1918—1920 гг. власть в Нагорном Карабахе находилась в руках Армянского национального совета» (с. 23). Представляется, что даже в самой сжатой справке сказанного по этому поводу недостаточно. При том, что далее авторы подробно и совершенно корректно излагают обстоятельства отторжения Карабаха и его присоединения к Азербайджанской республике. Лишенное отправной точки, их изложение оказывается поневоле усеченным. В действительности, карабахская проблема во всей полноте выявилась уже летом 1918 г.,

² Ср. монографию А. Акопяна—«Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках» (Ереван, 1987) и рецензии на книгу Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании» (Баку, 1986)—Вестник общественных наук АН АрмССР, 1987, № 7 и Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1987, № 3.

в условиях, когда 26, 27 и 28 мая были последовательно провозглашены три независимых государства, три республики—Грузия, Азербайджан и Армения, когда реально встал вопрос о границах этих государств. До этого же, при наличии старого административного деления, свойственного Российской империи, руководствовались представлением, что Армения—это Эриванская губерния, Карсская область, часть Тифлисской губернии и часть Елизаветпольской губернии (т. е. в последнем случае Карабах).

Ожидая глобального решения армянского вопроса, Карабах поначалу выступал в качестве самостоятельной политической единицы, ориентируясь безусловно на Армению. Кран имел свой выборный орган—Армянский национальный совет с представительством от различных партий, в том числе и от большевиков.

Утвердившись временно в Елизаветполе, мусаватистское правительство немедленно призвало на помощь турецкие войска. Предполагалось, что они помогут овладеть не только Баку, но также Карабахом и Зангезуром. Во главе турецких подразделений был поставлен Нури-паша, брат печально известного Энвер-паши. Объявив всю Елизаветпольскую губернию азербайджанской территорией, Нури сразу же предъявил претензии на Карабах. Местное правительство, избранное первым национальным собранием в начале августа 1918 г., их отвергло. Но 8 октября оккупанты вступили в Шушу, разоружили горожан, арестовали около 60 представителей местной интеллигенции. Три человека были приговорены к повешению.

В сложившейся ситуации Карабах мог рассчитывать только на помощь Зангезура, где к тому времени утвердился со своими отрядами (и с пришедшими с ними тысячами беженцев) герой армянского освободительного движения Андраник. Затянувшиеся переговоры, не говоря уже о сопротивлении мусаватистских войск, не позволили Андранику своевременно войти в Карабах. Тем не менее, в начале ноября он был уже в 40 верстах от Шуши. Но здесь его остановили посланцы генерала Томсона, возглавлявшего в Закавказье силы Антанты. Томсон предупреждал, что мировая война окончена, так что в интересах армян терпеливо дожидаться решения мирной конференции. Андраник отступил, потерпевшая в мировой войне поражение Турция отозвала свои отряды. В Карабахе был создан временный совет из 5 человек, но самоуправление подавлялось английской властью, которая руководствовалась прежде всего имперскими соображениями и открыто ориентировалась на мусаватистов. Тем не менее, ни Карабах, ни, тем более, Зангезур не считались в составе Азербайджанской республики. Своеобразным признанием этого факта явилось создание 15 января 1919 г. генерал-губернаторства, которое охватывало эти два края и призвано было как бы отражать местные интересы. Генерал-губернатором стал крупный землевладелец, ярый пантюркист Хосров-бек Султанов. Против этого решительно протестовали и Карабах, и Армянская республика. Последовали заявления о принадлежности Карабаха Армении, общественный протест приобрел бурный характер, тем не менее сопротивление было подавлено кровавыми акциями, причем англичане и мусаватисты действовали в полном согласии. 22 августа 1919 г. армянская делегация вынуждена была подписать временное соглашение с Азербайджанской республикой. Само управление Карабаха под эгидой генерал-губернатора было сведено к минимуму, местные органы вынуждены были подчиниться оккупационным войскам.

При всем этом, армянское население Карабаха никак не желало мириться с сложившимся положением. Здесь зрела идея восстания, которое вспыхнуло весной 1920 г., причем местные силы смогли в некоторых пределах объединиться с силами Армянской республики. Расправа была жестокой, Шуша, точнее, ее армянская часть была сожжена. Погиб цвет местной интеллигенции, представители различных партий (в частности, именно тогда был убит большевик Александр Цатурян, он же Рубени). Но даже эта акция не смогла привести к окончательной победе мусаватистов, Карабах продолжал сражаться. Перипетии этого восстания изучены недо-

статочис, но характер его совершенно ясен. Это было народное движение за освобождение от чужого ига, за воссоединение с Армянской республикой³.

С провозглашением в Азербайджане советской власти ситуация, естественно, изменилась. Известно, что азербайджанские большевики, прежде всего Н. Нариманов, открыто настаивали на принадлежности Карабаха, Зангезура и Нахичевана Азербайджану. Но декларациями дело не ограничивалось. На с. 24—25 приводится поразительная инструкция председателя Карабахского губернского ревкома Асада Караева от 19 июля 1920 г., адресованная Горисскому ревкому. Не полагаясь на военную силу, он предлагает внедрить в практику подкупы («Правительство постановило для присоединения Карабаха и Зангезура к Азербайджану отпустить 200 миллионов рублей»), аресты, провокации. «Не оставляйте в Зангезуре ни порядочного человека, ни богатства, чтобы это проклятое племя (т. е. армяне) не могло больше подняться на ноги».

Однако в ЦК РКП(б) и правительственном аппарате главенствовала иная точка, выразителем которой был Г. В. Чичерин. Доктрину Нариманова он квалифицировал как «аннексионистическое стремление», как «мусаватистскую ориентацию», и в письмах В. И. Ленину аргументированно излагал свою позицию. Далее в справке приводятся известные документы о том, как сразу после провозглашения в Армении советской власти Азербайджан устами председателя ревкома Н. Нариманова и народного комиссара по иностранным делам М. Гусейнова объявил Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичеван «составной частью Армянской Социалистической Республики». 12 июня включение Нагорного Карабаха в состав Армении было провозглашено в законодательном порядке, т. е. через декрет Совнаркома Армении. Однако решение Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г., перечеркнув все предшествующие декларации, в том числе и собственное решение, принятое накануне, т. е. 4 июля, по воле Сталина и Нариманова выразило иную точку зрения. Карабах вошел в состав Азербайджанской республики, а в дальнейшем, в 1923 г., приобрел статус автономной области с центром уже не в Шуше, а в историческом Вараракне (позднее Ханкед, ныне г. Степанакерт)⁴.

События 1920—1923 гг. сыграли решающую роль в последующих судьбах Карабаха и Нахичевана⁵, так что их изучение по вертикали крайне важно для понимания армянской истории в новейшее время. Одновременно с этим большой интерес представляет и горизонтальный срез, исследование этих же событий в контексте становления всего советского общества—практики межнациональных отношений, деятельности партийных и советских органов, политических биографий крупнейших деятелей сложной и противоречивой эпохи первых послереволюционных лет.

В гл. 3 проблема Нагорного Карабаха рассматривается в свете ленинской концепции самоопределения наций. Авторы приводят известные положения В. И. Ленина по национальному вопросу, обращают внимание на соответствующие статьи действующей Конституции и приходят к выводу, что сложившееся в НКАО тяже-

³ См. в частности: Ա. Միքայելյան, Ղարաբաղի վերջին դեպքերը («Հայրենիք» (ամսագիր), 1, 1923, մայիս, հուլիս, հոկտեմբեր, նոյեմբեր), Ս. Վրացյան, Հայաստանի հանրապետության Փարիզ, 1928, էջ 280—294, Մ. Հովհաննիսյան, Սովետական իշխանության հաստատումը ինքնաշին Ղարաբաղում, Երևան, 1971. Особый интерес представляет прекрасно фундированное исследование: R. G. Hovannisian, The Republic, of Armenia, v. 1: 1918—1919, University of California Press, 1971, p. 78—90, 156—189.

⁴ Подробнее см.: В. Микаелян, Л. Хуршудян, Некоторые вопросы истории Нагорного Карабаха (Вестник общественных наук АН АрмССР, 1988, № 4, с. 47—55).

⁵ О Нахичеване см. в частности: В. Ходжабекян, Б. Асатрян, Из истории армянского населения Нахичевана (Вестник общественных наук АН АрмССР, 1988, № 6, с. 18—27).

лое положение можно исправить «только на принципиальной демократической основе ленинских принципов и норм национального строительства и национально-территориального разграничения» (с. 44). Вывод, безусловно, справедлив, можно лишь пожалеть, что ограниченный объем справки не позволил авторам подробнее осветить ленинское учение о самоопределении. В частности, одна из мыслей В. И. Ленина как бы предваряет то положение, в котором оказался Нагорный Карабах и его выборный орган в 1988 г.: «Право на самоопределение означает решение вопроса именно не центральным парламентом, а парламентом, сеймом, референдумом отделяющегося меньшинства»⁶.

Гл. 4 озаглавлена: «Некоторые вопросы демографического и социально-экономического развития НКАО». Здесь приводятся статистические данные, которые показывают, что социальный и экономический рост Нагорного Карабаха в составе Азербайджана оказался искусственно замедлен, демографическая структура развивалась ненормально.

В качестве заголовка гл. 5 авторы остановились на фразе, ставшей расхожей: «О событиях в Нагорном Карабахе и вокруг него». Недостаток места не позволил осветить проблему во всем ее объеме и глубине, но помешали и два других обстоятельства. Во первых, «события вокруг Нагорного Карабаха» продолжаются, они приобрели даже больший размах, стали разнообразнее, так что любой вывод был бы преждевременным. С другой стороны, эти события требуют специального изучения методами современной социологии, а к этому ученые едва приступили. Нет сомнения, что исследование «карабахского движения» приведет ко многим, зачастую неожиданным результатам, значимым для правильного понимания поступательного движения советского общества. Недостаточен с сегодняшней точки зрения и пакет публикуемых документов (хронологически от решения внеочередной сессии Совета народных депутатов НКАО, принятого 20 февраля 1988 г. до постановлений Верховного совета АрмССР от 15 июня 1988 г. о передаче НКАО в состав АрмССР и об осуждении злодеяний в Сумгаите и о соболезновании семьям и родным жертв).

Рецензируемая работа существенно расширила и систематизировала знания в период, когда в этом ощущалась особенно острая потребность. Но при всех достоинствах это все же только справка. Читатель же ждет с нетерпением специального исследования, посвященного богатой событиями истории этого удивительного края. Будем надеяться, что такая книга, отвечающая современным требованиям, появится уже в обозримом будущем.

К. Н. ЮЗБАШЯН.

доктор исторических наук (Ленинград)

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 491.